

УДК 343.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-2-230-236

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

ЛЕВЧЕНКО Евгения Валериевна*

✉ mironova.777@mail.ru

Пр. Кузнецкий, 39, Кемерово, 650992, Россия

СУХАРЕВСКИЙ Владимир Иосифович[▲]

✉ 754sv@mail.ru

Пр. Кузнецкий, 39, Кемерово, 650992, Россия

Аннотация. Меры пресечения в уголовном процессе существенно ограничивают права и свободы лица, еще не признанного приговором суда виновным в совершении преступления, при этом мера пресечения в виде заключения под стражу и содержание лица под стражей в учреждениях уголовно-исполнительной системы сопоставимо по тяжести последствий и степени ограничения прав с наказанием в виде лишения свободы. В связи с этим в уголовном процессе необходимо наличие ряда гарантий, призванных обеспечить защиту от произвольного, необоснованного и чрезмерного ограничения конституционных прав и свобод участников судопроизводства. Кроме того, требуется четкое разграничение процессуальных категорий.

В статье рассматривается соотношение уголовного преследования и применения мер пресечения, выделяются противоречивые положения в законе и предлагается вариант их изменения, а также раскрывается механизм конкретизации общего условия для всех мер пресечения применительно к мере пресечения в виде заключения под стражу.

Ключевые слова: уголовное преследование, меры пресечения, заключение под стражу, меры принуждения, подозреваемый, условия применения мер пресечения, содержание под стражей.

The Issue of Correlation of Criminal Prosecution and Preventive Measures

Levchenko Evgeniya V.**

✉ mironova.777@mail.ru

39 Kuznetsky pr., Kemerovo, 650992, Russia

Sukharevskii Vladimir I.^{▲▲}

✉ 754sv@mail.ru

39 Kuznetsky pr., Kemerovo, 650992, Russia

Abstract. Preventive measures in criminal proceedings significantly limit the rights and freedoms of a person who has not yet been found guilty of a crime by a court verdict, while a preventive measure in the form of remand in custody and holding a person in custody in a penitentiary system are comparable in severity of consequences and the degree of restriction of rights with the punishment of imprisonment. In this regard, a number of guarantees are required in the criminal process to ensure protection against arbitrary, unjustified and excessive restriction of the constitutional rights and freedoms of participants in legal proceedings. In addition, a clear delineation of process categories is required.

* Доцент кафедры уголовного права и процесса Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук.

[▲] Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

** Docent of the Department of Criminal Law and Procedure at Kemerovo institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Legal Sciences.

^{▲▲} Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure at Kemerovo institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

The article discusses the correlation of criminal prosecution and the application of preventive measures, identifies conflicting provisions in the law and proposes a variant of their change, and also discloses a mechanism for specifying the general conditions for all preventive measures in relation to a preventive measure in the form of custody.

Keywords: criminal prosecution, preventive measures, imprisonment, coercive measure, suspect, conditions of applying preventive measures, detention.

Совершение общественно-опасного деяния возлагает на государственные органы обязанность принять меры для установления лица, его совершившего, назначения справедливого наказания, реализации прав и законных интересов граждан, пресечения преступной деятельности, восстановления и защиты прав потерпевших от преступления. Достижение целей уголовного процесса, направленных на правильное применение норм уголовного права, и производство по уголовному делу органами предварительного расследования и судом нередко связаны с противодействием со стороны подозреваемого, обвиняемого. Преодоление этого противодействия еще до вынесения итогового решения по уголовному делу иногда возможно только посредством применения мер процессуального принуждения, особое место среди которых занимают меры пресечения. При этом любой из мер пресечения существенно ограничиваются права и свободы, а применение меры пресечения в виде заключения под стражу и содержание лица в учреждениях уголовно-исполнительной системы нередко связано с еще более суровыми условиями, нежели дальнейшее отбывание наказания, в том числе и наказания в виде лишения свободы. Более того, это подчас сопровождается и нарушениями условий содержания под стражей, порядка и условий избрания и применения данной меры пресечения. Такие нарушения из года в год по-прежнему продолжают выявляться не только на уровне российских судов, но и Европейским Судом по правам человека. Существуют проблемы в применении и иных мер пресечения [4]. Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости более взвешенного и грамотного применения мер пресечения, знания порядка и условий применения мер пресечения и разграничения связанных с этим правовых категорий.

Кроме того, уголовное судопроизводство предназначено не только для реализации норм уголовного права и установления уголовно-правового отношения. Уголовное судопроизводство

имеет своим назначением также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Применение мер процессуального принуждения должно сопровождаться существованием ряда гарантий, препятствующих произвольному ограничению прав и свобод участников уголовного судопроизводства. В связи с этим применение мер пресечения в уголовном процессе возможно только по возбужденному уголовному делу и в отношении обвиняемого, а в исключительных случаях в отношении подозреваемого.

Такое положение закона требует четкого разграничения деятельности по применению мер пресечения и осуществлению уголовного преследования, в том числе при решении вопроса о заключении под стражу, где в силу условий и характера содержания лица под стражей такая грань нередко стирается.

В соответствии с п. 55 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) уголовное преследование определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Традиционно исследователями, занимающимися проблемами уголовного преследования, применение мер пресечения принято относить к элементу, форме осуществления уголовного преследования. Еще М. С. Строгович относил к уголовному преследованию «действия следственных органов и прокуратуры, заключающиеся в применении принудительных мер, обеспечивающих изобличение обвиняемого и применение к нему наказания» [10, с. 16]. Большинство современных исследователей проблем уголовного преследования от predeterminedенного М. С. Строговичем вектора не отошли. Так, по мнению М. В. Николаева, «действия государственных органов, направленные на обеспечение производства по уголовному делу или на обеспечение доказательств, имеющие

целью изобличение лица, совершившего преступления, являются уголовным преследованием» [8, с. 76]. Мнение В. А. Азарова, Н. И. Ревенко, М. М. Кузембаевой о применении мер пресечения как элементе осуществления уголовного преследования обосновывается следующим: «Разве, например, такая мера пресечения, как заключение под стражу, применяемая следователем исключительно к обвиняемому, подозреваемому, не носит явно принудительный, “преследовательский” характер? Известно, что меры пресечения являются частью мер принуждения, под которыми понимается вся совокупность предусмотренных законом мер, принуждающих участников уголовного судопроизводства к исполнению своих обязанностей и обеспечивающих эффективность доказывания. Поэтому, как нам представляется, в содержание уголовного преследования, осуществляемого следователем, гармонично входит применение мер пресечения. Если по общему правилу меры принуждения могут применяться к любому участнику уголовного судопроизводства, то меры пресечения... избираются лишь в отношении тех лиц, которые в уголовном порядке преследуются законом (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный)» [1, с. 186].

Таким образом, рассуждения исследователей сводятся к аналогичным выводам: поскольку применение мер принуждения, в том числе мер пресечения, обеспечивает осуществление уголовного преследования, то оно включается в его содержание.

Вместе с тем имеются и противники такой позиции. По мнению А. Г. Халиулина, меры пресечения «могут лишь создавать условия для осуществления уголовного преследования, однако сами по себе преследованием не являются» [11, с. 30]. На взгляд А. А. Михайлова, «применение мер уголовно-процессуального принуждения органами и должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, с учетом целей и оснований применения данных мер, не входит в уголовное преследование, однако указанные меры при их применении в отношении подозреваемых и обвиняемых, прежде всего, охраняют уголовное преследование, тем самым, обеспечивая его нормальное течение» [7, с. 12].

Однако считаем, что между применением мер пресечения и уголовным преследованием существует сложная многосторонняя связь, что не позволяет данные понятия либо однозначно

разделить, не рассматривая одно из них в рамках исследования проблем другого, либо признать применение мер пресечения в качестве элемента осуществления уголовного преследования.

Ограничение прав и свобод не может потребоваться само по себе – оно сопровождается необходимостью проведения изобличительной деятельности, в связи с чем применение меры пресечения может служить одним из условий успешного осуществления уголовного преследования. Как отмечал М. С. Строгович, уголовное преследование является движущей силой уголовного процесса, оно приводит в движение весь процесс по уголовному делу, оно определяет содержание и направление производства по нему [10, с. 16]. При отсутствии обвинения и притязаний со стороны органов уголовного преследования весь уголовный процесс теряет смысл. Следовательно, дознаватель, прокурор принимают все предусмотренные законом средства, направленные на обеспечение соответствующей деятельности, в том числе действия и решения, состоящие в применении мер пресечения. Более того, только сторона обвинения может обосновать в суде необходимость применения меры пресечения в виде заключения под стражу, используя при этом совокупность обвинительных доказательств, содержащих необходимые для положительного решения данного вопроса сведения.

Вместе с тем применение мер пресечения имеет строго ограниченные в законе цели, связанные с предупреждением совершения обвиняемым (подозреваемым) действий, предусмотренных ч. 1 ст. 97 УПК РФ, и не направлено на изобличение лица в совершении преступления. Само по себе применение мер пресечения, в том числе заключения под стражу, не влечет и не может повлечь за собой ни появления обвинительных доказательств, ни установления виновности лица в совершении преступления. Изобличению лица может служить, например, собирание обвинительных доказательств посредством производства следственных действий, причем необязательно с участием лица, содержащегося под стражей. В связи с этим неясно мнение исследователей, которые включают применение мер принуждения в отношении подозреваемого, обвиняемого в уголовное преследование, в число мер, обеспечивающих изобличение лица в совершении преступления, однако не признают изобличительную направленность

при применении принудительных мер в отношении свидетелей и потерпевших [8, с. 76], ведь эти меры могут даже в большей степени служить изобличению лица и получению обвинительных доказательств, чем применение мер пресечения в отношении обвиняемого. Вместе с тем, например, проведение допроса свидетеля, возможность угрозы которому исключена путем заключения обвиняемого под стражу, может обеспечить получение обвинительных доказательств, однако может повлечь и противоположный результат – выяснение обстоятельств, исключающих уголовную ответственность. В этом случае применение мер пресечения, а также иных принудительных мер, в равной степени способно обеспечить любое из направлений деятельности всех участников уголовного процесса.

Таким образом, применение мер пресечения не направлено на изобличение лица в совершении преступления и достижение цели уголовного преследования, однако может служить одним из условий как его успешного осуществления, так и иной деятельности в рамках уголовного судопроизводства.

Более того, не следует утверждать, что всякий раз, осуществляя деятельность, направленную на избрание меры пресечения, применяя меры пресечения или используя иные принудительные средства, следователь, дознаватель, прокурор преследуют в качестве единственной цели изобличение лица в совершении преступления. Как справедливо отмечает В. В. Яковенко: «Применение мер пресечения связано не только с функцией уголовного преследования, но также с общими задачами и целями уголовного процесса. Это – правовое средство обеспечения раскрытия преступления, расследования уголовного дела, успешного судебного разбирательства и исполнения приговора» [12, с. 18].

Несмотря на то что уголовно-процессуальный закон относит следователя, дознавателя, прокурора к стороне обвинения и возлагает на них обязанность осуществления соответствующей функции, мы исходим из того, что существуют и иные их функции, связанные со спецификой назначения уголовного процесса и обязанностью государственных органов и должностных лиц обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе, а также интересов общества и государства в целом. Следует согласиться с А. Ф. Кучиным в том, что «деятельность органов предварительного рас-

следования нельзя отождествлять с уголовным преследованием. Органы предварительного расследования выполняют обвинительную функцию наряду с иными функциями. Это касается и прокурора, для которого уголовное преследование неотделимо от общенадзорной и правозащитной функции, что в совокупности обеспечивает достижение назначения уголовного судопроизводства» [5, с. 55].

Помимо различий в целях, уголовное преследование и применение мер пресечения имеют и различные основания.

Если основанием для применения мер пресечения служит выявленная в процессе доказывания высокая степень вероятности совершения обвиняемым (подозреваемым) действий, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, то основанием для осуществления уголовного преследования – сведения, указывающие на факт совершения данным лицом уголовно-наказуемого деяния. Данные основания требуют четкого разграничения.

Сколько бы ни содержалось в уголовном деле обвинительных доказательств, для применения меры пресечения этого недостаточно, если нет сведений, подтверждающих высокую степень вероятности совершения обвиняемым (подозреваемым) действий, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Вместе с тем даже при наличии основания для применения меры пресечения всегда требуется определенная совокупность обвинительных доказательств и начало осуществления уголовного преследования. Таким образом, уголовное преследование в отношении лица является обязательным условием для применения к нему мер пресечения, что служит дополнительной гарантией соблюдения прав и свобод подозреваемого, обвиняемого.

Так, применение мер пресечения возможно только в отношении обвиняемого, в исключительных случаях – в отношении подозреваемого. Лицо, в отношении которого избрана мера пресечения, не может долго оставаться в статусе подозреваемого – в течение 10 суток (по ряду преступлений – в течение 45 суток) с момента задержания или избрания меры пресечения подозреваемому должно быть предъявлено обвинение или мера пресечения подлежит немедленной отмене. Это говорит о том, что для возможности продолжения применения мер пресечения необходимо не только начало осуществления уголовного преследования, но и наличие достаточных доказательств, дающих основания

для обвинения лица в совершении преступления. Если отпадают основания для уголовного преследования, меры пресечения должны быть отменены вместе с прекращением уголовного преследования.

В связи с этим возникает вопрос о правомерности существования ряда уголовно-процессуальных норм. Так, согласно п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ принятие решения о применении меры пресечения к лицу до предъявления обвинения выступает одним из оснований для вступления в уголовный процесс фигуры подозреваемого. Учитывая, что уголовное преследование начинается лишь с момента появления в уголовном процессе лица, подлежащего изобличению в совершении преступления, можно заключить, что в таком случае применение мер пресечения становится условием, а решение об избрании меры пресечения – юридическим основанием для осуществления уголовного преследования. Анализ обозначенных условий позволяет сделать вывод об их противоречии друг другу, поскольку одно из них, по существу, исключает другое. Поэтому представляется недопустимым существование в законе условия, связывающего начало осуществления уголовного преследования с вынесением решения о мере пресечения.

Как уже подчеркивалось, меры пресечения и уголовное преследование имеют различные цели и основания, а потому связывать их начало с вынесением одного и того же процессуального документа невозможно ни с организационной точки зрения, ни с точки зрения принципов уголовного процесса. В литературе, например, предлагается предусмотреть возможность наделения лица процессуальным статусом подозреваемого путем вынесения постановления о привлечении в качестве подозреваемого [9, с. 42–45]. «Только после разъяснения подозреваемому сущности подозрения, проведения его допроса, должен решаться вопрос о применении к подозреваемому мер пресечения» [6, с. 364]. По нашему мнению, в законодательстве необходимо предусмотреть возможность наделения лица процессуальным статусом подозреваемого путем уведомления о подозрении в совершении преступления при производстве предварительного следствия.

В. М. Быков считает, что в таких мерах нет необходимости, поскольку в копиях протокола задержания, постановления о применении меры пресечения следователь формулирует сущность подозрения в отношении конкретного лица, пра-

во знать о котором объясняется необходимостью вручения подозреваемому копий указанных процессуальных документов [2, с. 56]. Вместе с тем, помимо обоснованного ранее противоречия правовых норм и снижения уровня гарантий для лица, в отношении которого решается вопрос о мере пресечения, практика одновременного введения лица в уголовный процесс в качестве подозреваемого и применения меры пресечения влечет и другое негативное последствие. Такое положение закона довольно часто вынуждает следователя избирать меру пресечения, пусть и не связанную с лишением свободы, при отсутствии на то основания. Тогда мера пресечения применяется не в связи с ее действительным, предусмотренным законом назначением, а в целях появления в уголовном деле подозреваемого [3, с. 60] и тем самым обеспечения возможности проведения следственных и иных процессуальных действий с его участием, осуществления в его отношении уголовного преследования, если лицо не было задержано, а уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления. Кроме того, такое положение закона формирует заблуждение относительно природы мер пресечения, что объясняет причисление значительным числом исследователей применения мер пресечения к осуществлению уголовного преследования, к возможности использования мер пресечения в целях изобличения лица в совершении преступления.

Таким образом, для применения меры пресечения необходимо, во-первых, возбуждение производства по уголовному делу, во-вторых, осуществление в отношении лица уголовного преследования. Данные обстоятельства являются общими условиями, при наличии которых возможно применение мер пресечения, и важнейшей гарантией недопущения произвольного, необоснованного ограничения прав и свобод в ходе уголовного судопроизводства.

Мера пресечения не может быть более строгой, чем грозящее обвиняемому уголовное наказание. В связи с этим такое общее условие, как осуществление уголовного преследования, для применения меры пресечения в виде заключения под стражу конкретизируется в ряд специальных. Так, для применения меры пресечения в виде заключения под стражу необходимо осуществление уголовного преследования по обвинению (подозрению) в совершении преступлений, за которые уголовным законом

предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет. Исключения из этого правила предусмотрены лишь ч. 1 ст. 108 УПК РФ, однако в любом случае применение заключения под стражу возможно лишь при совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Кроме того, самого факта осуществления уголовного преследования недостаточно. Для столь существенного ограничения важнейших конституционных прав необходима уверенность правоприменителя в том, что самая строгая мера пресечения не будет применяться к лицу, не причастному к совершению преступления, а инкриминируемое лицу общественно-опасное деяние совершено и правильно квалифицировано, в связи с чем мера пресечения не будет строже, чем грозящее наказание. Для применения меры пресечения в виде заключения под стражу необходима проверка обоснованности осуществления уголовного преследования – наличия в деле достаточной совокупности доказательств, подтверждающих совершение преступления и причастность к его совершению обвиняемого (подозреваемого).

Для обеспечения названного условия постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 устанавливает, что «избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению... Проверка обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица»¹.

По нашему мнению, обоснованность подозрения как в стадии предварительного расследования, так и в судебных стадиях уголовного процесса, подлежит рассмотрению с точки зрения соблюдения уголовно-процессуальной формы деятельности по осуществлению уголовного преследования и наличия в уголовном деле совокупности доказательств, подтверждающих событие преступления и причастность лица к его совершению. Таким образом, обоснованность подозрения при решении вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу уста-

навливается посредством проверки законности и обоснованности осуществления уголовного преследования.

При этом наличие обоснованного подозрения в любом случае не должно рассматриваться в качестве основания для заключения под стражу. Как указывает Верховный Суд РФ, «наличие обоснованного подозрения в совершении лицом преступления определенной категории является необходимым условием законности при первоначальном заключении его под стражу, однако по истечении времени оно перестает быть достаточным. Суду надлежит установить конкретные обстоятельства, свидетельствующие о необходимости дальнейшего содержания обвиняемого под стражей»².

Вместе с тем по ходатайству стороны защиты и при наличии соответствующих заявлений, ставящих под сомнение наличие условий для заключения под стражу, соответствующие обстоятельства должны быть проверены судом путем непосредственного исследования необходимых материалов, при этом суду следует воздерживаться от суждений по поводу виновности лица в совершении преступления, констатируя лишь факт наличия обоснованного подозрения или его отсутствия (что не должно иметь преюдициального значения для разрешения уголовного дела по существу).

Таким образом, недопустимо отождествление таких категорий, как применение мер пресечения и уголовное преследование. Однако применение мер пресечения обеспечивает успешное осуществление уголовного преследования, при этом последнее является обязательным условием применения мер пресечения и важной гарантией защиты от необоснованного ограничения прав и свобод в уголовном процессе. Применительно к заключению под стражу такое условие конкретизируется в специальные условия – осуществление уголовного преследования по обвинению (подозрению) в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет и проверка его законности и обоснованности (наличие обоснованного подозрения), что служит дополнительной гарантией защиты личности в уголовном процессе от необоснованного и чрезмерного ограничения прав и свобод.

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 // Рос. газ. 2013. 27 дек.

² Там же.

Список литературы

1. Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2006. 379 с.
2. Быков В. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань : Познание, 2008. 300 с.
3. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. М., 1999. 542 с.
4. Кудрявцева А. В. Проблемы судебной практики при избрании и продлении мер пресечения // Судья. 2019. № 9 (105). С. 54–60.
5. Кучин А. Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 193 с.
6. Мельников В. Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006. 592 с.
7. Михайлов А. А. Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. 266 с.
8. Николаев М. В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании по делам публичного и частно-публичного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2008. 224 с.
9. Овсянников И. В. Можно ли наделить лицо процессуальным статусом подозреваемого путем применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения? // Закон и право. 2004. № 3. С. 42–45.
10. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. 190 с.
11. Халиулин А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. 224 с.
12. Яковенко В. В. Уголовное преследование и роль прокурора в его осуществлении : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 166 с.

References

1. Azarov V. A., Revenko N. I., Kuzembaeva M. M. *Funktsiya predvaritel'nogo rassledovaniya v istorii, teorii i praktike ugolovnogo protsesssa Rossii* [Functions of Pre-Trial Investigation in History, Theory and Practice of Criminal Trial in Russia]. Omsk, 2006. 379 p.
2. Bykov V. M. *Aktualnye problemy ugolovnogo sudoproizvodstva* [Actual Problems of Criminal Procedure]. Kazan, Poznanie Publ., 2008. 300 p.
3. Grigor'ev V. N. *Zaderzhanie podozrevaemogo* [Deterring the Suspect]. Moscow, 1999. 542 p.
4. Kudryavtseva A. V. *Problemy sudebnoi praktiki pri izbranii i prodlenii mer presecheniya* [Issues of Court Practice in the Appointment and Extension of Preventive Measures (Courts of the Stavropol Territory Being an Example)]. *Sud'ya – Judge*, 2019, no. 9 (105), pp. 54–60.
5. Kuchin A. F. *Pravovoi mekhanizm publichnogo ugolovnogo presledovaniya*. Dis. kand. yurid. nauk [Legal Mechanism of Public Criminal Prosecution. Cand. Legal Sci. Dis.]. Nizhny Novgorod, 2004. 193 p.
6. Mel'nikov V. Yu. *Obespechenie prav grazhdan v khode dosudebnogo proizvodstva* [Securing Citizens' Rights in Pre-Trial Investigation]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2006. 592 p.
7. Mikhailov A. A. *Izmenenie prokurorom obvineniya i otkaz prokurora ot obvineniya v sude pervoi instantsii*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Prosecutor's Decision to Amend and Withdraw Charges in the Court. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Tomsk, 2008. 266 p.
8. Nikolaev M. V. *Uchastie poterpevshego v ugolovnom presledovanii po delam publichnogo i chastnpublichnogo obvineniya*. Dis. kand. yurid. nauk [Complainant's Particpance in Both Public and Semi-Public Hearings. Cand. Legal Sci. Dis.]. Kemerovo, 2008. 224 p.
9. Ovsyannikov I. V. *Mozhno li nadelit' litso protsessual'nym statusom podozrevaemogo putem primeneniya k nemu mery presecheniya do pred'yavleniya obvineniya?* [Can a Person Be Considered a Suspect By Application of the Preventive Measure Before Accusing Him Officially?]. *Zakon i pravo – Law and Legislation*, 2004, no. 3, pp. 42–45.
10. Strogovich M. S. *Ugolovnoe presledovanie v sovetskom ugolovnom protsesse* [Criminal Prosecution in Soviet Criminal Proceedings]. Moscow, 1951. 190 p.
11. Khaliulin A. G. *Osushchestvlenie funktsii ugolovnogo presledovaniya prokuraturoi Rossii* [Applying the Function of Criminal Prosecution By Procurator's Office of Russian Federation]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1997. 224 p.
12. Yakovenko V. V. *Ugolovnoe presledovanie i rol' prokurora v ego osushchestvlenii*. Dis. kand. yurid. nauk [Criminal Prosecution and the Role of a Prosecutor in Its Implementation. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2008. 166 p.